

Глава первая. Как возникла вторая мировая война

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. нападением гитлеровской Германии на Польшу. Этот день положил начало гигантскому военному конфликту, втянувшему в пучину войны почти все народы мира. Но 1 сентября 1939 г. только дата начала вооруженной схватки, вторая мировая война готовилась империалистами разных стран в течение многих лет. Орудия заговорили тогда, когда две группы империалистических держав исчерпали возможность «мирно» договориться о господстве над миром, а война отнюдь не означала коренного изменения политики противостоявших друг другу коалиций — союза агрессоров и англо-франко-американского блока. Изменились лишь средства достижения целей. Политика осталась прежней. Поэтому события 1939—1945 гг. нельзя рассматривать вне тесной связи с предшествующей политикой главных держав капиталистического мира.

В своей знаменитой лекции «Война и революция», прочитанной 14 (27) мая 1917 г., В. И. Ленин говорил: «Известно изречение одного из самых знаменитых писателей по философии войн и истории войн — Клаузевица, которое гласит: «Война есть продолжение политики иными средствами»... Этот писатель, основные мысли которого сделались в настоящее время безусловным приобретением всякого мыслящего человека, уже около 80 лет тому назад боролся против обывательского и невежественного предрассудка, будто бы войну можно выделить из политики соответственных правительств, соответственных классов, будто бы войну когда-нибудь можно рассматривать как простое нападение, нарушающее мир, и затем восстановление этого нарушенного мира. Подрались и помирились! Это грубый и невежественный взгляд, десятки лет тому назад опровергнутый и опровергаемый всяким, сколько-нибудь внимательным, анализом любой исторической эпохи войн».(*В. И. Ленин, Сочинения, т. 24, стр. 363—364.* 4) Вторая мировая война служит ярчайшим подтверждением справедливости слов Владимира Ильича.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России открыла новую страницу истории человечества. В короткий срок прежде отсталая Россия показала миру, на что способен народ, взявший свою судьбу в собственные руки. Преобразилось не только лицо нашей Родины, могучее воздействие марксистско-ленинских идей стало сказываться во всех странах, даже находящихся на отдаленных континентах. Трудящиеся капиталистических стран ясно увидели конечную и достижимую цель борьбы между трудом и капиталом. Великий Октябрь научил колониальные и зависимые народы бороться за свое национальное освобождение. Знаменем и содержанием эпохи новейшего времени стало широкое наступление во всем мире на систему наемного рабства, эксплуатации человека человеком, хотя в разных странах оно разворачивалось по-разному. На примере Октября многому научилась и международная буржуазия. Опасаясь революционного взрыва, правящие круги капиталистических государств пошли на значительные уступки, следствием чего явилось некоторое повышение жизненного уровня, ограничение наиболее вопиющих безобразий капиталистической системы. Процесс преобразования жизни человечества, открытый Россией, охватил в той или иной степени весь мир.

Существование Советского Союза неизмеримо ускорило бег истории. Но каждая новая победа советских людей в мирном строительстве усиливала ненависть толстосумов и власть имущих в капиталистических странах к нашему государству. Отсюда понятны

причины все возрастающей враждебности правителей капиталистического мира к социалистическому острову. С первых дней своего возникновения Советское государство никогда и никому не угрожало. Коммунистическая партия получила в наследство истерзанную войной, обескровленную Россию, опутанную кабальными займами империалистов. Коммунистическая партия возглавила народ и обеспечила нашему государству ведущее место в мире. Это было достигнуто трудом всех советских людей. Созидательный труд несовместим с войной, и в основу внешней политики Советского Союза был положен ленинский принцип мирного сосуществования государств с различными социальными и экономическими системами. Партия решительно выступила против авантюристических теорий «экспорта революции», ибо свободу нельзя привезти как Бурбонов — в фургонах, следующих за армией.

Если бы правящие круги капиталистических стран действительно верили в прочность и незыблемость своей системы, они бы вступили в мирное соревнование со страной социализма, предоставив истории рассудить, чей строй лучше отвечает чаяниям и надеждам людей. Но дело заключалось в том, что сами идеологи и практики капитализма, запутавшиеся в неразрешимых противоречиях, как огня боялись и боятся такого соревнования. Вся новейшая история полна планов ь проектов войны против Советского Союза, вынашивавшихся правящими кругами западных стран. Это внесло неуверенность и беспокойство в международные отношения. Состояние мира в 1918—1939 гг. неплохо характеризует термин — «между двумя мировыми войнами». Действительно, это был период последствий войны 1914—1918 гг. и кануна войны 1939—1945 гг.

Сосредоточение всей мощи капиталистического лагеря против Советского Союза было бы возможно только в том случае, если бы лагерь этот был един. Но этого не было, острейшие империалистические противоречия раздирали все главнейшие капиталистические державы. Их правителей, несомненно, объединяла ненависть к СССР, но борьба монополистических групп за рынки сбыта, сферы приложения капитала, территории и колонии неизбежно разобщала империалистических хищников. Совместная борьба против СССР и борьба между собой — таковы две тенденции, красной нитью пронизывающие новейшую историю стран Запада, Америки и Японии. На разных исторических этапах различные державы прочили себя в руководители «крестового похода» против СССР — США, Англия и Франция, а затем Германия и Япония. Но когда от деклараций пора было приступить к делу, правительство данной страны поглядывало на своих союзников. Они охотно поддерживали намерение уничтожить «большевизм», но всегда возникал вопрос, не воспользуются ли эти союзники ослаблением «крестоносцев» в войне против СССР, чтобы продиктовать свою волю. Весьма возможная перспектива этого, не говоря об общепризнанной уже тогда опасности войны с Советским Союзом, обычно охлаждала воинственный пыл реакционеров данной страны, и они охотно уступали пальму первенства другому государству.

После первой мировой войны в международных отношениях в мировом масштабе находит широкое применение политика «баланса сил», прежде бывшая достоянием только Европы. Правящим кругам западных стран, в первую очередь США и Англии, представлялось, что эта политика приведет к желанному результату — уничтожению Советского Союза, а одновременно даст возможность восторжествовать над своими империалистическими противниками и обеспечит мировое господство. Суть политики «баланса сил» не слишком сложна — «двое дерутся, третий радуется»; сама она отнюдь не блещет новизной — так действовали еще в античном мире. Бесспорным, однако, представляется, что последовательное проведение ее на протяжении XIX века обеспечивало господствующее положение Великобритании в Европе. Действия тогдашних британских кабинетов сводились к тому, чтобы не допускать возвышения какой-либо европейской державы на

континенте Британская внешняя политика умело использовала противоречия между враждовавшими континентальными державами или группировками держав, присоединение Англии в решающий момент к одной из коалиций обычно решало исход борьбы, позволяло британскому правительству играть роль арбитра.

Принципы претворения в жизнь политики «баланса сил» тогда были возведены английскими теоретиками в науку межгосударственных отношений.

Восторги по поводу этой политики понятны — она действительно обеспечила значительные успехи Великобритании в период ее «блестящей изоляции», в течение XIX века, но в корне неправильно мнение, что политика «баланса сил» способствует поддержанию мира. Напротив, чтобы выгадать от конфликта между другими государствами, необходимо разжигать и сохранять противоречия между ними. Международное или региональное единство перед лицом правительства, пытающегося проводить политику «баланса сил», делает ее беспредметной и обрекает на провал. Британский политический деятель середины девятнадцатого столетия лорд Пальмерстон, заметил: «У нас нет вечных союзников и вечных врагов. У нас есть постоянные, вечные интересы и им мы должны следовать». Свобода рук стала традиционной доктриной британской внешней политики, Великобритания крайне неохотно вступала в союзы, которые налагали на нее сколько-нибудь определенные обязательства. Гарантии безопасности британские правящие круги видели в островном положении страны, защищенной сильнейшим в мире флотом.

Соединенные Штаты рано оценили преимущества политики «баланса сил». Еще первый президент США Д. Вашингтон подчеркивал: «Когда бы между европейцами ни возникал конфликт, если мы мудро и должным образом воспользуемся преимуществами, дарованными нам географией, мы сможем, действуя осмотрительно, извлечь выгоду из их безумств». Пристойной маскировкой этой ясной установки явился «изоляционизм», невмешательство в дела Европы, которое объяснялось не осязаемыми выгодами для США — в любой войне, происходившей в Старом Свете, они обычно торговали с обеими враждовавшими коалициями, — а мнимым «миролюбием». Начиная с наполеоновских войн на крови европейских народов, как на дрожжах, росло благосостояние Соединенных Штатов. С XX века окрепшие США выходят на мировую арену и уже не ограничиваются извлечением барышей из конфликтов за океанами, а активно проводят политику обострения отношений между другими государствами. Поучительный пример этому дает русско-японская война, роль США в первой мировой войне. В отличие от Великобритании, обычно ограничивавшейся при проведении политики «баланса сил» Европой, Соединенные Штаты, первая по экономической мощи держава капитализма, распространяет ее на весь мир. Методы политики не меняются, расширяются только ее масштабы.

Превыше всего государственные деятели Соединенных Штатов ставят свободу рук для Америки. Действительно, с 1778 по 1947 г. США не заключили ни одного союза с другим государством. «Прощальное обращение» к стране, с которым Д. Вашингтон выступил в 1796 г., стало библией американской дипломатии. «Нация, — писал Д. Вашингтон, — которая относится к другой с привычной ненавистью или привычными добрыми чувствами, в определенной степени является рабом. Такая нация — раб своей враждебности или своих добрых чувств, любого из двух достаточно, чтобы увести ее от своего долга и интересов». Если узкой полоски Ла-Манша оказалось достаточно для того, чтобы обезопасить Великобританию от иностранного нашествия, то руководящие деятели США считали свою страну в неизмеримо большей безопасности, — какие бы войны ни бушевали на других континентах, западное полушарие оберегали безбрежные

просторы океанов. С последствиями обострения международной обстановки, что является неотъемлемой частью политики «баланса сил», предстояло иметь дело другим державам. Понятно поэтому, что эта политика была вдвойне привлекательна в глазах правящих кругов Соединенных Штатов и стала альфой и омегой их внешнеполитической тактики.

Приход фашистов к власти в Италии

Версальско-Вашингтонская система предопределила роль тех держав, которым по замыслу политиков Вашингтона и Лондона предстояло выполнить роль ударного кулака мировой реакции против Советского Союза. В первую очередь речь шла о Германии и о государствах, правительства которых считали себя обделенными за столом мирной конференции, таких, как Италия и Япония. Мутная волна фашизма, поднявшаяся в Италии и Германии в 20-е годы, служила в глазах империалистов надежной гарантией того, что эти государства явятся не только авангардом антисоветского похода, но и верными исполнителями воли мирового капитализма. Политика «демократических» стран уже в 20-е годы приобретает достаточно четкие контуры: стремление создать условия для нападения этих государств на Советский Союз, а самим остаться в стороне, по крайней мере на первой стадии войны.

В октябре 1922 г. власть в Италии захватили фашисты. Террористический режим Муссолини отвергло огромное большинство итальянского народа, и на первых порах положение фашистов было весьма шатким. На помощь к ним поспешили американские монополии. Военные долги Италии Соединенными Штатами были милостиво списаны на 80,2%, а на уплату оставшейся суммы был установлен самый низкий процент, предоставленный США европейским должникам, — 0,4%! Немедленно вслед за этим в 1925 г. банк Моргана предоставил Муссолини заем в 100 млн. долларов, а затем последовали новые займы. Политическая подоплека этих подачек фашистскому режиму, собственно, и не скрывалась: отдел рекламы Моргана распространил сообщение, что Муссолини в 1922 г. «спас» Италию от коммунизма и вследствие этого заслуживает финансовой помощи. Бывший итальянский премьер Нитти, бежавший в эмиграцию, с горечью констатировал в 1929 г.: «Фашисты смогли удержаться так долго у власти благодаря американским займам на 450 млн. долларов с лишним». Финансовую помощь США получали и антинародные режимы в малых странах: Хорти — в Венгрии, Пилсудского — в Польше, Мачадо — на Кубе и т. д. Так сеялись зубы дракона.

Муссолини получил всеобщее признание международной буржуазии как «герой», борец против коммунизма. Посол США в Италии, один из виднейших американских дипломатов, Р. Чайлд представил Муссолини миру «как величайшего деятеля нашей земли и нашего времени!» Другой американский политик того времени — Н. Батлер говорил о фашистском диктаторе как о «крупнейшем государственном муже двадцатого столетия», а Ч. Юз, занимавший в двадцатые годы пост государственного секретаря затем член Верховного суда США. во время кризиса 1929—1933 гг. утверждал, что Соединенным Штатам нужен свой Муссолини для разрешения экономических и политических проблем. В январе 1927 г. У. Черчилль провел неделю в Риме в гостях у Муссолини. О своих впечатлениях он сообщил на пресс-конференции: «Я не мог не быть очарованным, как многие другие, синьором Муссолини... Если бы я был итальянцем, то я убежден, что сначала до конца был бы всем сердцем в вашей победоносной борьбе против... ленинизма... С точки зрения внешней политики фашизм оказал услугу всему миру... Он является необходимым противоядием русскому яду. Теперь все великие державы будут иметь в своем распоряжении в случае необходимости крайние средства защиты». Отныне У. Черчилль называл Муссолини своим «большим и добрым другом» и даже в 1935 г.

упомянул о нем как о «великом человеке и мудром правителе».

Кем же был этот кумир сильных мира капитала? Бенито Муссолини родился в 1883 г. в семье кузнеца. Духовным отцом Бенито стал Макиавелли, а в реальной жизни молодой Муссолини скоро вступил в конфликт с обществом: ему предлагалось скромное место учителя начальной школы, но он хотел стать Цезарем. Двадцати лет Муссолини, избегая военной службы, бежит в Швейцарию. Там он последовательно считает себя «социалистом», анархистом, атеистом и т. д. Живёт бродягой, крадет, попадает в тюрьму и, наконец, в конце 1904 г. изгнанный из Швейцарии появляется в Австрии. В 1905 г. в Италии объявлена амнистия дезертирам и Муссолини возвращается в страну. Разнузданный демагог, он быстро делает карьеру в социалистической партии. Дважды отбывает краткосрочное тюремное заключение и дважды бросает жен с детьми. В 1914 г. Муссолини — редактор органа социалистов «Авантя», а потом основывает собственную газету «Пополо д'Ита-лия», горячо отстаивающую интересы Антанты. Французское правительство, как выяснилось позднее, не скупилось на субсидии. Война окончена. В Италии поднимается мощное революционное движение, массы стремительно влеуют. Муссолини предлагает свои услуги: финансируемый помещиками и капиталистами, он организует банды хулиганов и бандитов — фашистскую милицию. В октябре 1922 г. фашиствующая военщина организует «поход на Рим». Восемь тысяч чернорубашечников нестройной толпой движутся на столицу. Правительство в панике, Муссолини благоразумно ожидает исхода, забаррикадировавшись в редакции в Милане. Внезапно приходит телеграмма из Рима: король просит Муссолини стать премьер-министром. Напуганные революционным движением, правители Италии призвали к власти фашистов. Прибыв в Рим, Муссолини целует руку короля, принимает парады, капиталистические газеты помещают множество снимков с подписями: «Дуче ведет свои победоносные легионы на Рим». Так человек с психологией и поступками мелкого уголовника стал правителем Италии, страны древней культуры и талантливого жизнерадостного народа.

Италия, однако, никогда не была первой скрипкой в европейском оркестре. Ее промышленный потенциал и географическое расположение ограничивали с самого начала военные возможности итальянского фашизма.

Захват власти фашистами в Германии

Главное внимание правящие круги США и Великобритании уделяют быстрейшему восстановлению Германии как оплоту реакционных сил, т. е. той самой стране, которая совсем недавно, в 1919 г., в Версале была признана ответственной за первую мировую войну. Так, 9 февраля 1919 г. ближайший советник президента Вильсона полковник Хауз записывал в дневнике после очередного совещания: «Если бы, образовав Лигу, мы оказались настолько глупы, что позволили бы Германии обучить и вооружить крупную армию и снова превратиться в угрозу для всего мира, то мы заслужили бы удел, обусловленный этой глупостью». Справедливые слова! Встав на путь возрождения военно-экономического потенциала Германии, США и западные державы не могли не предвидеть уже тогда конечных результатов этой политики — роста реваншистских элементов и возникновения новой военной угрозы. Тем не менее они сознательно, и обдуманно шли на это, полагая, что Германию можно будет толкнуть на Восток. Но для этого было необходимо прежде всего изолировать германский и советский народы и вовлечь Германию в блок западных держав. Больше всего политиков Запада пугала перспектива установления дружественных отношений между Германией и СССР.

На конференции в Локарно 5—16 октября 1925 г. Англия, Франция, Германия и Италия договорились о гарантии западных границ Германии. Восточные границы не

гарантировались. Западные державы недвусмысленно указывали Германии путь будущей агрессии — на Восток. Вождь германского пролетариата Э. Тельман с трибуны рейхстага тогда же разоблачил подлинные цели Локарно. В речи 24 ноября 1925 г. он сказал: «Будущие историки будут рассматривать его как один из великих поворотных пунктов мировой политики послевоенного времени... Германия, которая до сих пор находилась в дружественных отношениях с Советским Союзом, переходит в лагерь врагов Советского Союза».

Наряду с укреплением политических связей бывших победителей с недавним врагом идет восстановление экономики Германии. Обильный золотой дождь американско-английских займов приносит буйные всходы: растет мощь концернов Рура, быстро обновляется основное оборудование предприятий. Правда, Германия платит репарации, но суммы, идущие из Германии, — небольшой ручеек по сравнению с многоводной рекой долларов, хлынувших в страну. В 1924—1932 гг. приток иностранных капиталов в Германию составил астрономическую цифру — 31 819 млн. марок, за вычетом платежей по репарациям и займам (соответственно 11464 и 7830 млн. марок), в Германии к 1933 г. осталось 12525 млн. марок невозвращенных поступлений. Эти средства пошли на восстановление и развитие военного потенциала. Недаром Шахт как-то похвастал перед Гитлером, что он «финансировал перевооружение Германии деньгами, принадлежавшими иностранцам». То было время больших дней международного братства бизнеса. Между американскими монополиями и германскими концернами завязались тесные картельные связи. Прямые американские капиталовложения в Германии перевалили, по опубликованным данным, за 1 млрд. долларов. А какое количество сделок было по «деликатным соображениям» сохранено в тайне, сведения о них никогда и не просачивались в печать!

Германские монополии, вновь ощутившие твердую почву под ногами, нагтели с каждым годом. Милитаристы, сначала напуганные Версальским договором, теперь подняли голову. Рейхсвер, формально ограниченный 100 тысячами человек личного состава, превратился в кузницу офицерских и унтер-офицерских кадров.

А вокруг этого ядра действовала развернутая сеть различных полувоенных организаций, готовивших миллионы будущих солдат. В тайне продолжал работу германский генеральный штаб, обосновавшийся в Берлине под вывеской департаментов реконструкции, науки и культуры. Там тысячи штабных офицеров, одетые в штатское, изучали причины поражения в прошлой войне и готовили будущую.

Националистический бред, крайний шовинизм, проклятия по адресу Версаля — все было поставлено на службу подготовки агрессии. Монополисты были достаточно откровенны в кругу своих единомышленников. Один из руководителей «ИГ Фарбениндустри» К. Дуисберг обратился в 1925 г. к членам федерации немецких промышленников так: «Будьте едины, едины, едины! Таков должен быть непрестанный призыв, обращенный к партиям... в рейхстаге... Мы надеемся, что наши слова, произнесенные сегодня, будут претворены в жизнь, что найдется сильный человек, который найдет для всех общую платформу... ибо такой человек всегда необходим нам, немцам». К Адольфу Гитлеру давно присматривались милитаристы — среди них первый Людендорф, крупные капиталисты Тиссен и Кирддорф. Но на первых порах Гитлер внушал смешанные чувства опасения и отвращения, и, пожалуй, второе было даже сильнее. Прошлое самозванного кандидата в вожди германского народа внушало серьезнейшие сомнения, даже по этическим нормам буржуазного общества человек, обремененный подобным грузом, едва ли мог высоко вскарабкаться по политической лестнице. Адольф Шикльгрубер (Гитлер)

родился в 1889 г. в семье мелкого австрийского таможенного чиновника.

Еще в детстве Адольф вообразил себя великим художником. Но на экзаменах в Академии художеств в Вене в 1909 г. он с треском провалился, академия в Мюнхене отвергла его картины. Шикльгрубер нашел виновника — в жюри оказался еврей. «Они поплатятся за это», — заявил неудачник.

Последующие пять лет Адольф Шикльгрубер провел в Вене. Огромный город жил своей кипучей жизнью, и никто не хотел замечать нищего маляра, хотя он и отрастил жидкую бороду и длинные волосы — обычная внешность непонятого «гения» богемы. Товарищи предложили ему вступить в профсоюз. Адольф отказался, презирая рабочих. Он не скрывал своих чувств, взобравшись на сцену во время рабочего собрания. Тогда, по его позднему признанию, «некоторые оппозиционные лидеры предложили мне выбор — либо немедленно покинуть помещение, либо быть вышвырнутым со сцены силой. Поскольку я был один и сопротивление представлялось бесполезным, я предпочел последовать первому совету». Для отщепенца-юнца профсоюзные работники уже тогда были «оппозиционерами», безработный испытывал «чувство отвращения» к рабочим. В веселой Вене, столице многоязычной Габсбургской империи, Гитлер начал размышлять о «чистоте» германской расы, черпая идеи из грязных листовок антисемитов. Попытки ораторствовать в этом духе успеха не имели, город был тиглем национальностей. В 1913 г. Гитлер переезжает в Мюнхен.

Война 1914 г. Гитлер вступает в 16-й баварский пехотный резервный полк, в котором проводит 1914 — 1918 гг., служа ординарцем в штабе. Перемирие застает его в госпитале в Померании. Чин ефрейтора и легкое отравление хлором во время газовой атаки в октябре 1918 г. — это все, что получил Гитлер от войны. После разгрома Советской республики в Баварии Гитлер возвращается в Мюнхен. Он предлагает свои услуги, и офицеры рейхсвера охотно принимают их — стать «инструктором по политическому просвещению», т. е. агентом среди солдат. Гитлер шпионит и предает своих товарищей. Доносы он сдает капитану рейхсвера Рему. Гитлер прилежно ищет «красных», отработывая довольствие из солдатского котла. До апреля 1920 г. он остается в армии. Жизнь сводит Гитлера с инженером Федером, от последнего он заимствует бредовые идеи уничтожения «социализма» и манеру подстригать усы. Оба в глаза не видели «Капитала» К. Маркса, но готовились «уничтожить» марксизм.

В сентябре 1919 г. Гитлеру поручили присмотреть в одной из пивных за сборищем полдюжины людей, именовавших себя «германской рабочей партией». Шпик пришел в восторг — выступавшие поносили марксистов, евреев и «ноябрьских преступников», сдавшихся Антанте. Не выдержав, Гитлер вскочил и произнес истеричную речь. Через неделю, 12 сентября, он получил уведомление о принятии в партию — 7-м членом — и вскоре возглавил ее.

8 ноября 1923 г. Гитлер попытался захватить власть в Баварии. Оттуда, по примеру итальянских фашистов, планировалось начать поход на Берлин, чтобы смести Веймарскую республику. В этот день нацисты организовали «пивной путч». Поскольку была предварительная договоренность с военщиной о совместных действиях, фашистская банда безбоязненно вышла на улицу. Во главе шествия находились Людендорф и Гитлер. Но генералы в последний момент струсили, полиция открыла стрельбу. С десятков нацистов было убито, Гитлер бросился на землю, уполз с улицы и скрылся. Людендорф, в которого не стреляли, единственный, прошел путь до конца, пока не оказался в цепи полицейских. Последние почтительно приветствовали его. В феврале — марте 1924 г. состоялся суд; на скамье подсудимых сидели Людендорф, Гитлер и несколько вожаков

движения. Обвинители и подсудимые упрекали друг друга в нарушении слова, а в суде и вокруг него бесновалась толпа нацистов. Людендорф был оправдан, Гитлер и его единомышленники получили по пять лет тюрьмы и были заключены в Ландсбергскую крепость. Здесь в комфортабельной обстановке, созданной усилиями властей, Гитлер провел около года. В тюрьме он продиктовал своему секретарю Гессу библию фашизма — «Моя борьба».

В ней Гитлер далеко превзошел самые дерзкие планы реваншистов. Он заявлял: «Требование о восстановлении границ 1914 года есть политическое сумасбродство, настолько чудовищное и чреватое мрачными последствиями, что оно является преступным. ...Мы, национал-социалисты, сознательно отказываемся от внешнеполитической ориентации нашего довоенного периода. Мы начинаем там, где остановились шесть веков тому назад. Мы покончили с вечными германскими крестовыми походами на юг и запад Европы и обращаем взор на земли на Востоке... И когда мы говорим сегодня о новой территории в Европе, нам сразу приходит на ум только Россия... Гигантская империя на востоке созрела для падения... Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая может явиться сильнейшим доказательством правильности расовой теории нашей нации». Ближайшими внешнеполитическими целями Гитлер провозгласил «англо-германо-итальянский союз», устранение «смертельного врага» — Франции, что даст Германии необходимую мощь для проведения намеченной «восточной политики». Нет ничего удивительного в том, что фашисты, вооружившие себя такой программой, получили широчайшую поддержку всей международной реакции.

Мировой экономической кризис 1929—1933 гг., крайне обостривший все противоречия империализма, привел к резкому усилению классовой борьбы в Германии. Бесчинства нацистов вызвали во второй половине 1932 г. известное отрезвление даже среди тех, кто поддерживал их. На выборах в ноябре 1932 г. нацисты получили только 196 мест в рейхстаге, социал-демократы и коммунисты — 221 мандат, только за компартию отдали свои голоса 6 млн. человек. Это была реальная сила, которая при единстве действий могла бы остановить фашизм. Однако социал-демократы, имевшие большое влияние в рабочем классе, отказались создать единый фронт с коммунистами против фашизма.

В момент, когда фашисты оказались на грани банкротства, вмешались хозяева Германии — монополисты. В ноябре 1932 г. они представили петицию президенту Гинденбургу, настаивая на передаче поста канцлера Гитлеру. За Гитлера агитировали крупнейшие монополисты — Шредер, Шахт, Гугенберг и др. Сопrotивление старика-президента, глубоко презиравшего ефрейтора, было недолгим — 30 января 1933 г. Гитлер стал рейхсканцлером. 20 февраля он созвал в Берлине совещание. На нем были отец и сын Крупны, четыре руководителя «ИГ Фарбениндуcтри», Фоглер, глава объединения сталелитейных заводов Германии, Шахт и другие ведущие монополисты. Гитлер заверил их, что его цель — борьба с коммунизмом. Собравшиеся горячо поддержали фюрера и постановили усилить финансовую поддержку национал-социалистов.

Фашисты обрушили волну неслыханных репрессий на германский народ. За провокационным поджогом рейхстага 28 февраля 1933 г. открылась травля коммунистической партии и всех прогрессивных элементов. Коммунистов бросали в тюрьмы и концлагери, зверски убивали. В июле 1933 г. был принят закон, объявлявший национал-социалистическую партию единственной политической партией, все остальные партии распускались. В свое время германские социал-демократы отклонили предложения компартии о создании единого фронта в борьбе против фашизма. Теперь они пожинали плоды своей политики. «Когда социал-демократы были уже не нужны Гитлеру, он опубликовал декрет, в котором было сказано, что «социал-демократическую партию

следует считать партией, против которой должны быть применены те же меры, что и против коммунистической партии». И пошли вслед за коммунистами на каторгу и плаху тысячи и тысячи честных немецких социал-демократов».(Н. С. Хрущев, *К победе в мирном соревновании с капитализмом*, М, 1959, стр. 505,)

Германия стала рассадником воинствующего фашизма, очагом мракобесия и реакции.

Успех фашистов Германии окрылил Муссолини. В марте 1933 г. он предложил заключить пакт между Англией, Францией, Германией и Италией. Правительства западных держав с восторгом одобрили инициативу дуче. 8 июня 1933 г. между этими странами с благословения Соединенных Штатов был подписан «пакт согласия и сотрудничества», имевший в виду объединение капиталистической Европы против СССР. Однако пакт не был ратифицирован, так как сама идея объединения с фашистскими диктаторами вызвала бурю негодования в Англии и Франции, острую тревогу малых стран.

В капиталистическом мире создавалась неслыханная реклама маньяку, вернувшему Германию к самым мрачным временам средневековья. Визгливый хор похвал, расточавшихся Гитлеру, заглушал крики жертв фашистского террора. От чернильных гиен капиталистической печати иного нельзя было и ожидать, но примечательно, что Гитлера хвалили и его действия одобряли те буржуазные политики, которые слыли пронизательными государственными мужами. К ним принадлежал и У. Черчилль.

В 1937 г. он писал: «Кое-кому система Гитлера может не нравиться, и тем не менее нельзя не восхищаться его патриотическими достижениями. Если бы Англия потерпела поражение, я был бы рад, если бы нам удалось найти такого же прекрасного вождя, который сумел бы восстановить наше мужество и вновь вернуть наше место в мире».

Возникновение очага войны на Дальнем Востоке

С начала 30-х годов все возрастающая агрессивность фашистских государств — Германии, Италии в Европе и милитаристской Японии на Дальнем Востоке — создала напряженность в международных отношениях и обстановку неуверенности. Первой на путь вооруженного передела мира, открывшего предысторию войны, вступила Япония.

18 сентября 1931 г. Япония начала оккупацию Северо-Восточного Китая и вскоре захватила его. 1 марта 1932 г. японцы создали в Северо-Восточном Китае марионеточное государство Маньчжоу-Го, посадив на трон императора Пу И, последнего представителя Цинской династии. 15 сентября 1932 г. Япония формально признала Маньчжоу-Го. Захват Северо-Восточного Китая ударил по империалистическим интересам других крупных капиталистических государств на Дальнем Востоке. Однако ни США, ни Великобритания решительно не выступили против японской агрессии, а предательская гоминдановская клика, занятая борьбой против собственного народа, сдавала без сопротивления одну за другой позиции Японии. Это приободрило японских захватчиков. В январе 1932 г. они напали на Шанхай. Однако китайский народ поднялся на защиту города и в тяжелых боях отбил натиск японских захватчиков. В мае 1932 г. Япония была вынуждена прекратить боевые действия в районе Шанхая.

В целях маскировки своей капитулянтской политики клика Чан Кай-ши 21 сентября 1931 г. обратилась в Лигу Наций с просьбой вынести решение о японских захватах в Северо-Восточном Китае. Нанкинское правительство подчеркнуло в меморандуме Лиге от 12

октября, что оно «воздержалось с самого начала от всяких актов враждебности и дошло в этом воздержании до того, что отдало строгий приказ своим военным силам не сопротивляться каким бы то ни было способом продолжающемуся наступлению японских сил». 10 декабря 1931 г. совет Лиги Наций решил послать в Северо-Восточный Китай комиссию для выяснения положения на месте (комиссия Литтона). В конце 1932 г. комиссия Литтона представила свой доклад. В нем клеветнически утверждалось, что «опасность со стороны северо-маньчжурских границ снова стала предметом забот Японии», и рекомендовалось отторгнуть Маньчжурию от Китая, передав вновь образованное государство под охрану иностранных держав, но с признанием в Северо-Восточном Китае специальных интересов Японии. 24 февраля 1933 г. Ассамблея Лиги Наций 42 голосами против одного (Японии) одобрила рекомендации комиссии Литтона. Тогда в знак «протеста» Япония 27 марта 1933 г. вышла из Лиги Наций.

За платоническими призывами Лиги Наций отчетливо виден антисоветский курс западных держав. США и Великобритания пытались повернуть острие японской агрессии в сторону Советского Союза, оградив соглашениями с Токио собственные империалистические позиции на Дальнем Востоке. Они не протестовали против захватов Японии в направлении советских границ, но весьма болезненно относились к попыткам продвижения японских войск на юг. На заседании американского правительства осенью 1931 г. президент США Г. Гувер говорил: «Предположим, японцы нам открыто заявили: мы не можем больше соблюдать вашингтонские соглашения, ибо в Китае порядок не восстановлен, половина территории Китая большевизирована и сотрудничает с Россией... Наше существование будет поставлено под угрозу, если на севере, по соседству с большевизированной Россией, мы будем еще иметь на фланге большевизированный Китай, — поэтому дайте нам возможность восстановить порядок в Китае. Если бы они нам это прямо сказали, мы не могли бы выдвинуть возражений». Больше того, империалистические круги Соединенных Штатов прямо подталкивали Японию к нападению на Советский Союз, к расправе с прогрессивными силами китайского народа, возглавлявшимися коммунистической партией.

В результате, как полагали американские и британские политики, на Дальнем Востоке разразится война между Советским Союзом и Японией. Несложная игра, клонившаяся к претворению в жизнь политики «баланса сил», была разгадана Советским Союзом. 4 октября 1932 г. «Правда» писала по поводу вашингтонских и лондонских авторов доклада Литтона:

«Изображая интересы СССР как интересы империалистические, противопоставляя их интересам Японии,

подчеркивая принципиальную противоположность политики СССР политике всех других империалистических держав, комиссия Литтона пытается создать конфликт между Японией и СССР и, отстаивая общие интересы всех империалистов, подвести базис сотрудничества империалистов против Китая и СССР». Советское правительство отклонило предложение генерального секретаря Лиги Наций принять участие в работе Консультативного комитета, созданного по резолюции Лиги от 24 февраля 1933 г.

В своем ответе Советское правительство подчеркнуло, что оно не позволит втянуть себя в войну, которой жаждут империалисты, чтобы одновременно выйти из кризиса и уничтожить страну социализма. Советское правительство заявило, что оно будет поддерживать только те меры, которые направлены на установление справедливого мира.

Свою поддержку китайскому народу Советский Союз оказал делами. В декабре 1932 г. на

советскую территорию под натиском японцев отошли войска генерала Су Бин-вэня.

Советское правительство отвергло просьбу Японии выдать китайских солдат японским властям. Китайские патриоты встретили в СССР горячий прием. 12 декабря 1932 г. между СССР и Китаем были восстановлены дипломатические отношения, прерванные в свое время из-за провокаций китайской военщины. Этот акт вызвал бурную реакцию в Токио. 24 апреля 1933 г. японский посол, явившийся в НКВД СССР, заявил, что сближение Советского Союза и Китая, возможное заключение между ними пакта о ненападении не может не оказать влияния на отношение «общественного мнения» в Японии к СССР. Японскому послу было объяснено, что такой миролюбивый акт, как подписание пакта о ненападении между СССР и Китаем, не может сказаться на советско-японских отношениях. Советский Союз, следуя своей политике мира, готов подписать пакты о ненападении со всеми своими соседями, включая Японию. Политика Советского правительства способствовала упрочению безопасности на Дальнем Востоке, умерила пыл японских милитаристов.

Возникновение очага войны в Европе

В Европе гитлеровская Германия пошла на штурм тех ограничений Версаля, которые формально сдерживали ее перевооружение. В то время, начиная с 1932 г., в Женеве заседала международная конференция по разоружению. Это был фарс, ибо ни одна из империалистических держав не желала действительного разоружения, конференция была заведена в дебри схоластических дебатов. Происходили нескончаемые споры — оборонительным или наступательным оружием считается 150 мм гаубица, когда грузовик может быть признан частью военного потенциала, когда нет и т. д. и т. п. Единственным государством, занявшим принципиальную позицию, был Советский Союз. Как заметил советский представитель М. М. Литвинов: «Мне безразлично, буду ли я зарезан ножом, убит палкой, застрелен из револьвера или разорван на куски гранатой. В любом из этих случаев я буду мертв. Но, по моему скромному разумению, мы обязаны позаботиться о том, чтобы вообще воспрепятствовать убийству. Надо сделать все, чтобы мы остались в живых».

6 февраля 1933 г. советская делегация внесла предложение об определении агрессии. Принятие его способствовало бы укреплению коллективной безопасности, защите мира во всем мире. Советский проект конвенции об определении агрессии указывал на те действия, которые все государства рассматривали бы как акт агрессии. Нападающей стороной предлагалось считать государство, которое совершает одно из следующих действий: 1) объявление войны другому государству, 2) вторжение своими вооруженными силами на территорию другого государства, хотя бы без объявления войны, 3) нападение на территорию, суда или самолеты другого государства, 4) блокаду берегов или портов, 5) поддержку банд на своей территории, совершающих нападения на другое государство, или отказ принять меры к пресечению этой деятельности.

14 октября 1933 г. гитлеровская Германия вызывающе заявила о своем уходе с конференции по разоружению и одновременно о выходе из Лиги Наций. Как говорили в то время, послевоенный период кончился, начался период предвоенный. 10 марта 1935 г. Геринг объявил о создании, в нарушение версальских постановлений, военно-воздушного флота, а 16 марта в Германии была восстановлена всеобщая воинская повинность. Гитлер открыто встал на путь подготовки агрессии. Какие же практические выводы были из этого сделаны в переломный, 1935 год? Лига Наций 17 апреля ограничилась слабым протестом. 18 июня 1935 г. Великобритания подписала с Германией морской договор, дававший право Германии достроить свой надводный флот до 35%, подводный — до 45% тоннажа

британского флота. А в Соединенных Штатах 31 августа 1935 г. была принята объединенная резолюция конгресса о «нейтралитете», в соответствии с которой в случае возникновения войны между двумя любыми государствами президент запрещал экспорт в них из США вооружения и военных материалов. Соединенные Штаты официально заняли позицию «невмешательства» в отношении агрессии.

Борьба СССР за мир

Советский Союз продолжал защиту дела мира, пытаясь создать систему коллективной безопасности. Советская дипломатия выдвинула исторический принцип — «Мир неделим», имея в виду обеспечить международную безопасность во всем мире коллективными усилиями. На этом пути можно было остановить надвигающуюся войну. Если политика западных держав сводилась к тому, чтобы толкнуть агрессоров на войну против СССР и нагреть около нее руки, то агрессивные государства в свою очередь играли на противоречиях среди других стран, с тем чтобы уничтожить свои жертвы поодиночке.

США и Великобритания проводили политику «баланса сил» в собственных интересах, аналогичными соображениями руководствовалась гитлеровская дипломатия, разумеется в интересах Германии. Гитлер в «Майн кампф» не оставил сомнений на этот счет: «Политическое завещание немецкой нации в сфере ее внешней деятельности, — писал он, — будет и должно навсегда гласить: не допускайте никогда возникновения двух континентальных держав в Европе. В каждой попытке организации на границах Германии второй военной державы, будь то хотя бы в форме образования способного стать военной державой государства, — вы должны видеть нападение на Германию и считать не только своим правом, но и своей обязанностью воспрепятствовать возникновению такого государства всеми силами, вплоть до употребления силы оружия, а если такое государство уже возникло, то снова его разбить». Ученик фюрера, фашистский министр иностранных дел Риббентроп поставил принцип игры на противоречиях во главу угла политики рейха в больших и малых вопросах. Заманивая в фашистский лагерь Венгрию и Румынию, например, он использовал их распри из-за Трансильвании. «Основная идея нашей политики по отношению к Венгрии и Румынии в настоящее время, — говорил Риббентроп, — держать оба этих утюга в раскаленном состоянии и уладить дела в интересах Германии».

Советский Союз неустанно разъяснял, что игра, затеянная обеими сторонами на международной арене, чревата неисчислимыми последствиями для человечества. Еще на 4-й сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г. М. М. Литвинов высмеял утверждения фашистских идеологов о том, что они прежде всего озабочены борьбой с «коммунизмом». Он говорил: «Борьба с мировым коммунизмом — это, однако, скорее последняя или отдаленная цель. Под прикрытием этой борьбы имеется в виду осуществление более скромных, узко национальных задач, носящих в оголенном виде название ревизии договоров и захвата земель, как упомянутых, так и не упомянутых в договорах, подлежащих ревизии. Достаточно ознакомиться с литературой поборников «новой» идеологии, чтобы убедиться, что если фортуна войны им улыбнется, то они не будут очень разборчивы, не будут ограничиваться территориями, находящимися под контролем ненавистных им марксистов, но не откажутся от прирезки и буржуазных земель, и, может быть, даже таких, где господствуют родственные им идеи».

Мужественная борьба за мир подняла международный авторитет Советского Союза в первую очередь в глазах тех стран, которые находились под непосредственной угрозой со стороны агрессоров. Еще 15 сентября 1934 г. по инициативе Франции Советский Союз

был приглашен от имени 30 государств — членов Лиги Наций — занять там место. Советское правительство ответило согласием, и 18 сентября 1934 г. СССР стал членом Лиги Наций. Членство в Лиге Наций, после ухода из нее Японии и Германии, давало возможность с международной трибуны разоблачить происки врагов мира. Политика Советского Союза, направленная на обеспечение коллективной безопасности, встретила сочувственное понимание среди реалистически мыслящих государственных деятелей Франции. Сама жизнь требовала установления тесных связей с Советским Союзом.

В основе этого лежал трезвый государственный расчет. «Итак, я изучаю карту, — записывал в дневнике французский министр Э. Эррио. — Я вижу на ней только одну страну, которая была бы для нас необходимым противовесом и могла в случае войны создать второй фронт. Это Советский Союз. Я говорю и пишу об этом уже с 1922 года. На меня смотрят как на коммуниста или безумца. Даже царь при всем своем деспотизме пошел некогда на союз с республикой. Неужели наша буржуазия, наша печать окажутся менее умными? Что касается меня, я не изменю своих убеждений. По-моему, это диктует сама логика развития и даже простой здравый смысл». Так смотрел на вещи Э. Эррио. Министр иностранных дел Франции П. Лаваль видел в соглашении с Советским Союзом прежде всего средство предотвратить в дальнейшем любую договоренность между Германией и СССР. Французское правительство было единодушно в том, что Франция должна выполнить свои обязательства только с согласия Великобритании и Италии. Для этого в текст договора были введены ссылки на Устав Лиги Наций. Но от Советского Союза ждали безоговорочной помощи.

2 мая 1935 г. был подписан договор о взаимопомощи между Советским Союзом и Францией. Стороны обязывались прийти друг другу на помощь в случае неспровоцированной агрессии против одной из них, действуя применительно к статье 16 Устава Лиги Наций. Вслед за этим 16 мая 1935 г. был подписан советско-чехословацкий договор о взаимопомощи. По требованию чехословацкой стороны в него была внесена оговорка — Чехословакия и СССР будут действовать только в том случае, если на помощь жертве агрессии придет Франция. Эти договоры могли бы явиться основой системы коллективной безопасности, если бы тогдашние правительства Франции и Чехословакии серьезно отнеслись к своим обязательствам.

Захват Италией Эфиопии

4 октября 1935 г. Италия напала на Эфиопию. Итальянский представитель заявил в Лиге Наций, что повод для войны следующий: «В силу трагической иронии судьбы Эфиопия владеет неабиссинскими колониями», в то время как «в результате превратностей истории и международных ограничений Италия втиснута в территориальные рамки, в которых она задыхается. Италия вынуждена поднять на Ассамблее государств свой голос, требуя справедливости!» Война против Эфиопии была явной авантюрой, и не потому, что жертва агрессии располагала внушительной мощью, а потому, что военные возможности итальянского фашизма были ограничены.

Если бы против Муссолини выступили крупные державы, агрессивная война в Африке потерпела бы неминуемый и скорый крах. Но Англия, Франция и США пальцем не пошевелили, чтобы пресечь разбой итальянского фашизма. Правда, Лига Наций 50 голосами против четырех 7 октября 1935 г. приняла решение применить к Италии экономические санкции. Но что это были за меры! Импорт нефти в Италию не запрещался, а только лишением горючего можно было остановить агрессию; большой шумихой было окружено наложение эмбарго на алюминий, однако это, пожалуй, был единственный металл, производство которого в Италии с лихвой перекрывало

потребности. Запрещался вывоз в Италию железного лома и руды, но не ограничивался импорт стальных болванок и чугуна, на которых и работала итальянская металлургия, и т. д. и т. п. Английское правительство категорически отказалось закрыть Суэцкий канал. Акционеры компании Суэцкого канала в Лондоне и Париже неплохо заработали — в связи с войной против Эфиопии резко увеличился приток грузов.

Для Соединенных Штатов война в далекой Африке явилась поводом впервые применить закон о «нейтралитете». Экспорт оружия и военных материалов в Италию и Эфиопию был запрещен, но от этого пострадала только последняя. Итальянцы не нуждались в американском оружии, а нефть и стратегическое сырье поступали из Соединенных Штатов во все возрастающих размерах. Политическая подоплека действий Великобритании и США была очевидной: правители капиталистических стран отчетливо понимали, что решительное сопротивление Муссолини неизбежно приведет к краху фашистский режим. Итальянский народ был против войны в Эфиопии. В британском министерстве иностранных дел царил убеждение, что поражение Муссолини «приведет к победе коммунизма в Италии». Н. Чемберлен, который вскоре занял пост премьер-министра Англии, говорил в 1935 г., что если в результате военного поражения Муссолини будет свергнут, то это будет означать «хаос в Италии», т. е. революцию. Так, ради узкоклассовых интересов британские правящие круги пренебрегли соображениями безопасности самой Великобритании, ибо итальянская агрессия ставила под угрозу прежде всего ее позиции. Только Советский Союз выступил в защиту эфиопского народа, хотя война в Африке, казалось, меньше касалась нашей страны, чем Англии и Франции. Советское правительство считало, что нельзя оставлять безнаказанными акты агрессии, в какой бы части света они не происходили. Несколько раньше, в 1934 г., М. М. Литвинов формулировал позицию СССР так: «Все пограничные столбы на всех границах Европы являются опорами мира, и удаление хотя бы одного такого столба повлечет за собой падение всего здания мира». Выступления СССР в защиту далекого африканского государства в 1935—1936 гг. ясным образом показали, что советская внешняя политика отстаивала дело мира и международной безопасности во всем мире. СССР выступил одним из главных инициаторов применения нефтяных санкций к Италии. Однако правящие круги западных держав упорно шли по пути поощрения агрессии. 29 апреля 1936 г. негус (император Эфиопии) обратился к ним с последним призывом о помощи, заявив: «если они не придут, то я скажу пророчески и без чувства горечи: «Запад погиб». Ответом был отказ западных держав от применения даже ограниченных санкций к Италии, что было зафиксировано решением Лиги Наций 4 июля 1936 г. Фашистская Италия захватила Эфиопию.

Политика «невмешательства».

Фашистский мятеж в Испании

7 марта 1936 г. гитлеровские войска вступили в демилитаризованную по Версальскому договору Рейнскую зону, а МИД Германии сообщило, что Германия отказывается от Локарнских соглашений. Одновременно гитлеровцы демагогически предложили заключение пакта о ненападении с Францией и Бельгией на 25 лет, гарантами которого станут Англия и Италия. Это была азартная игра, затеянная Гитлером, поставившим на карту все. Военная оккупация области была блефом — Рейн перешли налегке немногие батальоны. Противодействие одной только Франции заставило бы гитлеровцев отступить. Германским войскам был отдан строжайший приказ — немедленно отойти назад при появлении французов. Все это отчетливо понимали в Берлине, но в Лондоне и Париже видели и другое — неудача гитлеровцев могла поставить под угрозу фашистский режим.

Антисоветские устремления ослепляли государственных деятелей Запада. Не СССР, а Франции в первую очередь угрожал переход германских войск через Рейн. Не к СССР, а к Англии приближался вермахт. Но когда советский представитель предложил 17 марта 1936 г. противопоставить политике меча политику коллективной безопасности, западные державы не хотели и слышать о мерах противодействия. 19 марта Лига Наций в резолюции из восьми строк констатировала нарушение Германией Версальского договора и Локарнских соглашений. А гитлеровцам был направлен пространный юридический меморандум, в котором разъяснялась неправомерность ремилитаризации Рейнской зоны с точки зрения международного права и выражалось согласие вступить в переговоры с Германией об организации новой системы «безопасности» в Западной Европе, т. е. оформить сговор против СССР. Позиция западных стран поощряла агрессоров на новые разбойничьи акты.

В ночь с 17 на 18 июля 1936 г. по условному сигналу — «Над всей Испанией безоблачное небо» — в стране вспыхнул мятеж. Главари мятежа полагали, что они одержат победу и в 48 часов захватят власть. Однако решительное сопротивление народа, героическая борьба Испанской коммунистической партии сорвали их замыслы. В Испании началась национально-революционная война народа против фашизма. Поражение реакции было предreshено, если бы не помощь иностранного империализма, в первую очередь германского и итальянского. Гитлер и Муссолини направили в Испанию десятки тысяч солдат, новейшие танки и самолеты. Германский вермахт, разворачивавшийся к «большой войне», использовал войну в Испании для проверки образцов вооружения, отработки тактических приемов. В годы войны в Испании возникло выражение «пятая колонна». Мятежный генерал Мола, наступавший на Мадрид осенью 1936 г., заявил: «Четыре колонны идут со мной, а моя пятая колонна находится в Мадриде!» Выражение поразило воображение современников, и термин «пятая колонна» стал крылатым, — так отныне называли фашистских заговорщиков во всем мире.

Наглая вылазка реакции на Пиренейском полуострове вызвала волну симпатий к героическому испанскому народу во всех странах мира. Демократическая общественность потребовала оказания помощи республиканцам. Общепринятые нормы международного права давали возможность правительству Испании закупать оружие и военные материалы за границей. Тогда, чтобы изолировать Испанию от внешнего мира, правительства Англии и Франции 15 августа 1936 г. заявили о своем «невмешательстве», запретив экспорт оружия и военных материалов в Испанию. В Лондоне 9 сентября 1936 г. начал работу Комитет по «невмешательству», в котором приняли участие 27 государств, имея формальную цель предотвратить распространение войны. Советский Союз принял участие в этом Комитете, учитывая, что, если бы удалось пресечь вмешательство Германии и Италии в национально-революционную войну, республика быстро одержала бы победу. Но очень скоро выяснилось, что агрессивные державы рассматривают Комитет как ширму для прикрытия своего вмешательства в испанские дела. Тогда 7 и 23 октября 1936г. советский представитель заявил, что СССР будет связан постановлениями о «невмешательстве» не больше, чем другие участники Комитета.

Соединенные Штаты хотя и не вошли в Комитет, но приняли действенные меры для удушения Испанской республики. Испанское правительство сумело закупить в США некоторое количество самолетов и авиамоторов на сумму в 3 млн. долларов. Но президент США счел необходимым публично осудить отpravку их в Испанию как «непатриотический акт». 8 января 1937 г. конгресс расширил резолюцию о «нейтралитете», предусмотрев случай гражданской войны и распространив ее на Испанию. Испанские фашисты были безгранично благодарны. «Президент Рузвельт поступил как настоящий джентльмен, — заявил Франко. — Его закон о нейтралитете,

приостанавливающий экспорт военного снаряжения обеим сторонам, быстрота, с которой он принят и проводится в жизнь, является жестом, который мы, националисты, никогда не забудем».

Испанская республика была отрезана от всех источников в капиталистическом мире, где она могла бы закупить вооружение. В то же время мятежники получали все необходимое для ведения войны. Причем наметилось своеобразное разделение труда: США и Англия предоставляли горючее, стратегические материалы; Германия и Италия — солдат и вооружение. 75% нефти Франко получал из США, главным образом от «Стандард ойл» и «Техас ойл» (последняя поставила только в кредит нефти на 6 млн. долларов), а остальные 25% давала англо-голландская «Ройал Датч-Шелл». Американские автомобильные компании — «Дженерал моторе», «Форд», «Студебеккер» — продали франкистам 12 тыс. грузовиков, причем не требовали немедленной оплаты. Для сравнения можно указать, что из Германии и Италии франкисты получили в общей сложности 3 тыс. грузовиков. Помощь Германии Франко оценивалось в 372 млн. марок, Италии — в 7,5 млрд. лир.

Только Советский Союз отстаивал интересы испанского народа, оказывал ему моральную и материальную помощь. На международной арене советская дипломатия стремилась добиться прекращения вмешательства Германии и Италии в национально-революционную войну, разоблачала политику «невмешательства». Трудящиеся Советского Союза собирали средства для испанских борцов за свободу, Советское правительство открыло кредит республиканской Испании в размере 85 млн. долларов. На помощь испанскому народу пришли добровольцы из 54 стран мира. В составе интернациональных бригад они сражались против фашизма. Но их численность на протяжении всей войны никогда не превышала 20 тыс. человек. В борьбе против фашизма в Испании приняли участие советские добровольцы, среди которых были танкисты и летчики, моряки и общевойсковые командиры. Они не только сражались в первых рядах бойцов Республики, но и являлись военными консультантами. В числе последних были видные советские военные деятели, впоследствии прославленные генералы Великой Отечественной войны, — Мерецков, Родимцев и многие другие. Позиция Советского Союза в отношении германо-итальянской интервенции в Испании нагляднейшим образом продемонстрировала принципиальность советской внешней политики, на деле отстаивавшей лозунг «мир неделим».

Агрессия Германии и Италии на Пиренейском полуострове подрывала в первую очередь позиции Англии и Франции, создавая для последней непосредственную военную угрозу. Хотя англо-французские правящие круги не могли не понимать этого, они ни на йоту не отступили от политики «невмешательства». Соображения политики «баланса сил» перевесили здравые суждения, которые подсказывал даже беглый взгляд на географическую карту. В конечном счете победа фашизма в Испании означала утверждение агрессоров вблизи Англии и Франции, а не у границ Советского Союза. Но политика «баланса сил» деформировала обычно соотношение действия и противодействия на международной арене. Академик И. М. Майский, тогда советский посол в Лондоне и представитель СССР в Комитете по «невмешательству», отмечает: правительства Англии, Франции и США «вели в то время большую игру с гитлеровской Германией, толкая ее на войну с СССР. В этих видах они проводили политику «умиротворения» в отношении Гитлера, да и Муссолини. Оказание энергичной поддержки Испанской республике, хотя бы путем широкого снабжения ее оружием, могло посорить правительства Англии и Франции с Германией и Италией, т. е. сорвать их большую игру с ними. Чемберлен и Даладье этого не хотели и потому были готовы жертвовать Испанией, вернее своими экономическими и стратегическими интересами на Пиренейском полуострове — тем более, что считали такую жертву временной. Ведь если бы удалась их большая игра и

Германия и СССР истощили свои силы во взаимной войне, Англия стала бы хозяйкой положения в Европе».

«Антикоминтерновский пакт»

25 ноября 1936 г. между Германией и Японией был заключен «Антикоминтерновский пакт» сроком на пять лет. Стороны обязывались взаимно информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и принять меры «против тех, кто внутри или вне страны прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического Интернационала». 6 ноября 1937 г. к пакту присоединилась Италия, по примеру Германии и Японии также покинувшая Лигу Наций. Так началось официальное оформление блока агрессоров под лозунгом борьбы с «коммунизмом», который, однако, был лишь маскировкой их истинных целей. Советская дипломатия немедленно разоблачила его. В речи 28 ноября 1936 г. М. М. Литвинов подчеркнул: «Авторы этих международных соглашений по борьбе с коммунизмом не замечают, очевидно, в какое смешное положение они себя ставят, когда они просят действительно поверить в идеологический характер этих соглашений... Японское правительство обязуется, вероятно, своевременно извещать германское в случае решения японского коммуниста искать убежища в свободной Германии, и наоборот. В случае нехватки места для коммуниста в германском концентрационном лагере или тюрьме, японское и итальянское правительства обязуются найти для него жилплощадь в своих тюрьмах и лагерях, и наоборот... Соглашение это действительно не имеет никакого смысла по той простой причине, что оно является лишь прикрытием для другого соглашения, которое одновременно обсуждалось и было парафировано, а, вероятно, и подписано, и которое опубликовано не было и оглашению не подлежит. Я утверждаю, с сознанием всей ответственности моих слов, что именно выработке этого секретного документа, в котором слово коммунизм даже не упоминается, были посвящены 15-месячные переговоры японского военного атташе с германским сверхдипломатом».

После войны, когда в руки союзных держав попали архивы дипломатических ведомств Германии и Японии, тайное стало явным. Было обнаружено секретное приложение к «Антикоминтерновскому пакту», в котором указывалось: в случае войны Германии или Японии против СССР, другая сторона «обязана не предпринимать никаких мероприятий, которые по своему существу способствовали бы облегчению положения СССР». Устанавливалось также, что стороны будут проводить консультации, «чтобы охранять свои обоюдные интересы». Германия и Япония принимали на себя обязательства не заключать с СССР соглашений, которые «не соответствуют духу» пакта от 25 ноября 1936 г.

Агрессоры заключили военно-политический союз против СССР, хотя интерпретация пакта сторонами была различной. По словам японского дипломата М. Сигемицу, впоследствии министра иностранных дел Японии: «Японская армия поддерживала секретное приложение, рассматривая Антикоминтерновский пакт как военное соглашение. Немцы, с другой стороны, очевидно придавали большее значение использованию японской мощи в широком плане, им пакт представлялся как компонент их дипломатической стратегии», т. е. также для проведения совместной политики против крупных капиталистических держав. Что касается западных политиков, то они приветствовали «Антикоминтерновский пакт» как успех политики «баланса сил». У. Черчилль в статье, опубликованной 27 ноября 1936 г., отмечал: «Опасность русско-германского соглашения за счет западных стран определенно исчезла». Иными словами, британский политик полагал, что «Антикоминтерновский пакт» вписывается в генеральную стратегию капитализма — изолировать Советский Союз в преддверии

крестового похода против коммунизма.

Агрессия Японии на Дальнем Востоке

7 июля 1937 г. японские милитаристы открыли широкие военные действия против Китая. Японская агрессия создала смертельную угрозу для китайского народа. В то же время японские захваты на Дальнем Востоке подрывали позиции империалистов США и Англии. Китай обратился с очередной жалобой в Лигу Наций. Советская дипломатия энергично потребовала принять меры против Японии. Однако эта организация, как обычно, не приняла никаких мер противодействия. По решению Лиги Наций 3 ноября 1937 г. в Брюсселе открылась конференция держав, заинтересованных в дальневосточных делах. В ней приняли участие представители СССР, США, Англии, Китая, Франции и ряда других государств. Советская делегация предложила коллективными мерами воспрепятствовать применению силы в международных отношениях. Англо-американцы отклонили этот путь, подсказанный самой жизнью. В результате конференция ограничилась принятием декларации, взывавшей к благоразумию Японии. Зато американские и английские дипломаты в Брюсселе настойчиво внушали советской делегации, что СССР должен один выступить против Японии. Много лет спустя государственный секретарь США К. Хелл в своих мемуарах признал, что в основе этих предложений лежало стремление получить такую же возможность, какую имел в 1904 г. Теодор Рузвельт, чтобы «положить конец русско-японской войне». Морализировать по этому поводу едва ли необходимо: правительства США и Великобритании свято следовали политике «баланса сил».

21 августа 1937 г. между СССР и Китаем был заключен договор о ненападении. В 1938 — 1939 гг. СССР предоставил Китаю три кредита на общую сумму в 250 млн. долларов. Через Северо-Запад Китая из Советского Союза шел непрерывный поток оружия, военных материалов, горючего. Своим ходом шли колонны танков, перегонялись самолеты. Советские летчики не только защищали небо над китайскими городами, но и наносили удары по глубоким тылам противника. В результате бомбовых ударов советской добровольческой авиации японское командование было вынуждено отнести базы своей бомбардировочной авиации на 500 — 600 км от линии фронта, в то время как раньше они были на расстоянии 50 км. Советские летчики бомбили японские военные корабли на Янцзы, громили Тайбэй на острове Тайвань. В начале 1941 г., когда Китай особенно остро нуждался в авиации, из СССР прибыли бомбардировщики и истребители, принимавшие участие в боях вплоть до начала Великой Отечественной войны Советского Союза.

Хотя японские захваты ущемляли их империалистические интересы в Китае, в Вашингтоне и Лондоне полагали, что руками японских милитаристов можно выполнить заветные цели международной реакции — задушить национально-освободительное движение китайского народа, а также вызвать войну между Японией и СССР. Военно-промышленный потенциал Японии ввиду бедности естественных ресурсов страны был крайне ограничен. Заводы Японии, производившие вооружение и военные материалы, в решающей степени зависели от привозного сырья, которое поставлялось из США и Англии. В 1937 г. Япония получила из Соединенных Штатов 54% необходимых военных материалов, в 1938 г. — 58%, еще 17% шло из Великобритании. 50% японских военных перевозок в Китай обслуживалось иностранным фрахтом, главным образом английским. Даже чанкайшистский посол в США в 1940 г. был вынужден публично признать, что 54 из каждых 100 погибших мирных жителей Китая было убито американским оружием!

Новые акты агрессии в Европе. Политика западных держав

Захваты агрессоров 1935 — 1937 гг. начали изменять соотношение сил в капиталистическом мире. В столицах Запада понимали, что фашистские клики всерьез принялись за осуществление программы достижения мирового господства. В Вашингтоне, как видно из меморандума госдепартамента правительству осенью 1937 г., развитие дальнейших событий, исходя из предшествующих, представлялось следующим образом: 1) утверждение фашизма в Германии; 2) «физическое поглощение Австрии и Чехословакии»; 3) «установление Германией полной политической, социальной и экономической гегемонии в Юго-Восточной Европе»; 4) «приобретение Украины» и «изоляция России», т. е. война с СССР; 5) разгром Франции; 6) война с Англией и захват Британской империи; 7) нападение Германии на США. Первые четыре пункта возражений не вызвали ни в Вашингтоне, ни в Лондоне. В ходе войны против СССР, как считали английские и американские политики, Германия и СССР будут истощены, что даст возможность США и Англии продиктовать свои условия мира.

Однако некоторые деятели Запада уже тогда, не протестуя против антисоветской направленности всего внешнеполитического курса США и Англии, обратили внимание на опасность чрезмерного усиления Германии. У. Черчилль, еще недавно аплодировавший фашизму, горячо признававший его «заслуги» в борьбе с коммунизмом, в марте 1936 г. выступил на закрытом заседании консервативных членов комиссии по иностранным делам британского парламента. Речь У. Черчилля была теоретическим экскурсом в область международных отношений с целью напомнить слушателям об основе основ британской внешней политики — «балансе сил».

Он говорил: «На протяжении 400 лет внешняя политика Англии состояла в том, чтобы противостоять сильнейшей, самой агрессивной, самой влиятельной державе на континенте... В этом — замечательная, инстинктивная традиция британской внешней политики... Заметьте, что политика Англии совершенно не считается с тем, какая именно страна стремится к господству в Европе. Дело не в том, Испания ли это, Французская империя или гитлеровский режим. Ей безразлично, о каких правителях или странах идет речь; ее интересуется лишь то, кто является самым сильным тираном или кто может превратиться в такого тирана. Поэтому нам не следует бояться, что нас могут обвинить в профранцузской или антигерманской позиции. Если бы обстоятельства изменились, мы в такой же мере могли бы занимать прогерманскую или антифранцузскую позицию... Мне кажется, что сейчас снова создались все прежние условия и что наше национальное спасение зависит от того, удастся ли вновь собрать все силы Европы, чтобы сдержать, ограничить или, если необходимо, расстроить планы установления германского господства. Ведь если бы какая-нибудь из тех других держав — Испания, Людовик XIV, Наполеон, Кайзер Вильгельм II стали с нашей помощью абсолютными хозяевами Европы, поверьте мне, они могли бы ограбить нас, превратить нас в ничтожество и довести до нищеты на следующий же день после победы. Наш долг — в первую очередь заботиться о жизни и способности Британской империи к сопротивлению».

У. Черчилль предлагал пойти уже тогда на организацию антигерманского блока вокруг Англии и Франции, т. е., создав подавляющую мощь на Западе, толкнуть Германию на Восток. Вашингтонские политики со своей стороны попытались «упорядочить» развитие фашистской агрессии достижением широкого соглашения с Германией В конце 1937 г. — начале 1938 г. США предложили Англии выступить инициатором созыва в Вашингтоне международной конференции для пересмотра решения вопроса о «свободном доступе» к источникам сырья, что предполагало расширение империалистической экспансии Соединенных Штатов. Американское правительство домогалось места арбитра в капиталистическом мире. В Лондоне не могли не встретиться с величайшим удовлетворением исключение из списка приглашенных Советского Союза, но

правительство Н. Чемберлена, имевшее свои виды на договоренность с Гитлером, не желало собственными руками уступить инициативу в «умиротворении» европейских держав «оси» США. Лондон ответил отказом, предпочитая путь прямого соглашения с агрессорами без участия американцев.

В марте 1938 г. в Центральной Европе произошли давно ожидавшиеся события: 11 марта гитлеровцы захватили Австрию. Ни одно из правительств Запада не подняло голоса протеста против новой наглой агрессии. Только Советский Союз призвал к отпору Гитлеру. 17 марта 1938 г. Советское правительство в заявлении для печати указало: «Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую, недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира». Советское правительство заявило, что оно «согласно приступить немедленно к обсуждению практических мер как в рамках Лиги Наций, так и вне ее». Западные державы отклонили эти разумные предложения.

Мюнхенский сговор

С весны 1938 г. гитлеровцы открыли кампанию неслыханного шантажа и провокаций против Чехословакии, требуя передачи Германии исконных чешских земель. В правительственных сферах западных стран были глубоко равнодушны к судьбе славянской страны. Посол Чехословакии в Лондоне рассказывал в то время: «Однажды во время разговора с несколькими крупными деятелями, когда я показал им карту Чехословакии, у меня создалось впечатление, что они видят ее впервые. Действительно, задумчиво посмотрев на карту, они сказали: «О! Это любопытно! Какая забавная форма! Можно подумать, что перед тобой большая сосиска!». В Берлине Геринг внушал французскому послу: «Видите, на этой карте контуры Чехословакии? Разве это не вызов здравому смыслу? Это аппендикс — рудиментарный орган Европы. Его необходимо будет удалить». Правящие круги Запада «оглашались с гитлеровцами, они решили предать Чехословакию в интересах развязывания войны между Германией и СССР. В этих условиях Чехословакию могла спасти только помощь с Востока. Но чешская буржуазия шла на неслыханное национальное предательство: президент Бенеш 16 декабря 1937 г. заверил германского посланника в Праге, что договор о взаимопомощи с СССР является «продуктом минувшей эпохи, но его нельзя так просто выбросить в корзину».

Между тем Советское правительство в этот критический для Чехословакии период твердо заявило о своей готовности прийти к ней на помощь. С марта 1938 г. об этом неоднократно доводилось до сведения Праги, а также Парижа. А английское и французское правительства настойчиво рекомендовали Чехословакии капитулировать. Вся международная реакция не хотела войны в защиту Чехословакии, в которой неизбежно принял бы участие Советский Союз. По словам доверенного советника Н. Чемберлена, Г. Вильсона, «прибыль от этого получил бы только большевизм. Этому следует помешать. Необходимо признать право немцев на экспансию на Юго-Восток». Американский посол в Париже В. Буллит запугивал: в случае «всеобщего пожара» Россия возродится «подобно фениксу из нашего пепла» для того, чтобы осуществить «мировую революцию». Даладье объяснял германскому поверенному в делах: «По окончании войны, независимо от того, кто окажется победителем, а кто побежденным, неизбежно начнется революция во Франции, а также в Германии и Италии». Иными словами, правители капиталистического мира понимали, что война в защиту Чехословакии приведет к краху фашизм, неизбежному росту демократических сил. Франкисты в Испании с глубочайшей тревогой следили за событиями, связанными с Чехословакией: они понимали, что если

возникнет антигитлеровский фронт, поражение Франко неизбежно.

Высшее командование германских вооруженных сил представило Гитлеру оценку военных возможностей Германии: война против Чехословакии продлится не менее трех месяцев. Ожидать, что конфликт останется локализованным, нельзя. Только к 1943 г. Германия сможет с разумными шансами на успех вести войну против западных держав. Некоторые генералы были даже готовы пойти на решительные меры: арестовать нацистских главарей и создать военное правительство. На Нюрнбергском процессе Кейтелю был задан вопрос: «Напала бы Германия на Чехословакию в 1938 году, если бы западные державы поддержали Прагу?»

Ответ гласил: «Конечно, нет. Мы не были достаточно сильны с военной точки зрения. Целью Мюнхена (т. е. достижения соглашения в Мюнхене) было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии».

29 — 30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялось совещание глав правительств Англии, Франции, Германии и Италии, созванное при активной поддержке США. Представители Чехословакии и СССР были устранены от участия в совещании. На нем была решена судьба Чехословакии. Германии в десятидневный срок передавалась Судетская область, в ближайшее время некоторые районы были захвачены панской Польшей и хортистской Венгрией. От Чехословакии отторгались области площадью в 41 тыс. кв. км с населением в 4,9 млн. человек, оставшаяся часть Чехословакии составляла страну с территорией в 99 тыс. кв. км и населением около 10 млн человек. На захваченных у Чехословакии землях находилась большая часть тяжелой и горнодобывающей промышленности Чехословакии. Там остались и обширные, дорогостоящие укрепления, созданные для защиты от Германии. Нацисты торжествовали новую победу. Одновременно в Мюнхене 30 сентября была подписана англогерманская декларация: стороны заявляли, что отныне они никогда не будут воевать друг с другом. 6 декабря 1938 г. аналогичное по духу соглашение подписала с Гитлером Франция. Эти документы по существу явились пактами о ненападении между Англией и Францией, с одной стороны, Германией — с другой. Подводя итоги, ярый мюнхенец, британский посол в Берлине Гендерсон писал министру иностранных дел Великобритании Галифаксу: «Сохранив мир, мы сохранили Гитлера и его режим».

Нарастание угрозы войны. Борьба СССР за коллективную безопасность

После Мюнхена дипломатические ведомства Англии, Франции и США тщательно изучали обстановку: в общем и целом дипломаты, аккредитованные в странах «оси», были единодушны — поход на Восток не за горами. Назывался даже повод, который Гитлер, по-видимому, изберет для открытия военных действий: «присоединение» Советской Украины к Закарпатской Украине! Расчеты эти, однако, строились на песке, ибо развитие событий в капиталистическом мире определялось империалистическими противоречиями, а не помыслами поборников и проводников политики «баланса сил». Цели этой политики были отчетливо видны. В отчетном докладе на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) И. В. Сталин говорил: «В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, —

выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия... Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом»(*«XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) Стенографический отчет», стр, 12, 15.*)

15 марта Германия захватила оставшуюся часть Чехословакии. В конце марта в результате заговора, организованного империалистами, пала Испанская республика. 7 апреля фашистская Италия оккупировала Албанию. Правительства западных держав по существу смирились с новыми захватами. 27 февраля Англия и Франция, а 1 апреля США также признали режим Франко. Но ряд фактов свидетельствовал о том, что гитлеровская Германия может нанести удар на Западе.

Значительное замешательство среди мюнхенцев вызвали известия о том, что Гитлер передал Закарпатскую Украину Венгрии. Восточный поход, очевидно, откладывался. В Англии и Франции возрастало недовольство даже в правящих кругах, серьезно обеспокоенных угрозой национальной безопасности обеих стран. Под давлением общественности 31 марта 1939 г. Англия и Франция предоставили гарантии «независимости» Польше, а затем Румынии. 15 апреля Ф. Рузвельт обратился с посланием к Гитлеру, прося заверить, что Германия в течение 10 лет не нападет на своих соседей. Однако в списке последних был пропущен Данциг, а присоединение его к Германии стало поводом для крикливой антипольской кампании в Германии.

Лишь Советский Союз занял принципиальную позицию в отношении все новых и новых актов агрессии. После Мюнхена 9 октября 1938 г. Советское правительство запросило Прагу, желает ли Чехословакия, чтобы ее новые границы были гарантированы Советским Союзом. 12 октября это предложение было отклонено. Когда 15 марта 1939 г. Чехословакия исчезла с карты Европы, Москва заявила: «Советское правительство не может признать правомерным включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов». Последовательная защита Советским Союзом интересов международного мира и безопасности подняла авторитет нашей страны. Широкие народные массы в западных странах видели, что без СССР нельзя оказать успешного отпора агрессии. В Англии и Франции усилились позиции тех кругов, которые с возрастающей силой настаивали на заключении соглашения с Советским Союзом об отпоре агрессии в целях самозащиты Запада. 15 апреля 1939 г. Англия и Франция предложили СССР вступить в переговоры. Хотя предшествующая политика англо-французских правящих кругов не могла не подорвать доверие к ним, Советское правительство не желало упускать ни малейшей возможности для предотвращения войны. Предложение Запада о начале переговоров было принято.

Переговоры с СССР явились новым тактическим приемом Англии и Франции, но отнюдь не знаменовали изменения стратегии. «Весь Париж», как иронически называет Женева Табуи высшее французское общество в тот период, рассуждал так: «Поражение Германии означало бы крушение главного оплота против коммунистической революции. И, следовательно, поражение Германии было бы большим злом, чем поражение Франции. В конце концов, разве не предпочтительнее для Франции быть раздавленной Гитлером, чем стать победительницей с помощью Сталина?» Лондонская «Сандей Тайме» писала 7 мая 1939 г.: «Победа с помощью России не могла бы не продвинуть на Запад границы большевизма». 15 апреля английское правительство предложило Советскому Союзу выступить с декларацией о том, что в случае нападения на какого-либо европейского

соседа СССР последний окажет ему помощь, «если она будет желательна». Взаимных обязательств помощи Советскому Союзу не предусматривалось. Больше того, хотя Англия и Франция дали гарантии Польше и Румынии, но в случае агрессии против прибалтийских стран и Финляндии они были свободны от каких-либо обязательств. Иными словами, Гитлеру недвусмысленно указывалось направление удара — против СССР в районе Балтийского моря. А если учесть антисоветскую направленность политики тогдашних правителей Польши и Румынии, то были веские основания полагать, что они в конечном итоге стали бы союзниками Германии в «крестовом походе» против коммунизма. 17 апреля Советское правительство предложило заключить на 5—10 лет договор о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией, — три державы обязуются оказывать всяческую помощь, включая военную, восточноевропейским государствам, лежащим между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР. Советское правительство предлагало немедленно приступить к разработке военной конвенции, которая будет подписана одновременно с политическим договором. Советские предложения открывали путь к созданию прочного фронта коллективной безопасности. Именно поэтому они оказались неприемлемыми для западных держав.

Летом 1939 г. английское правительство вступило в тайные переговоры с гитлеровцами, выразив готовность пойти на уступки в интересах антисоветского сговора с Германией. Правительство Чемберлена предлагало заключить соглашение о разделе мира, назвав в качестве стран, подлежащих разделу между английским и германским империализмом, даже Советский Союз и Китай. Англия была готова отказаться от гарантий, данных Польше, оказать воздействие на Францию, чтобы она расторгла советско-французский пакт о взаимопомощи. Однако из предложений правительства Чемберлена в Берлине сделали иные выводы: гитлеровцы усмотрели в них новое доказательство слабости Запада и форсировали подготовку к войне. Настойчивое стремление Чемберлена к сговору с Германией убедило Гитлера и его окружение, что агрессия против Польши будет безнаказанной. Решение конгресса США в июле 1939 г., демонстративно оставившего в силе закон о «нейтралитете», в глазах гитлеровцев явилось новым веским доказательством этого. Американский еженедельник «Тайм» цинично указывал в то время: для Германии это явится таким выигрышем, «как будто Гитлеру уже удалось захватить Украину».

Международная обстановка ухудшалась с каждым днем. 22 мая 1939 г. в Берлине с большой шумихой был подписан так называемый «Стальной пакт» — военно-политический договор о взаимопомощи между Германией и Италией. А английское и французское правительства при поддержке США продолжали недостойную игру в переговорах с Советским Союзом. Советское правительство, учитывая стремительно нарастающую опасность войны, предложило, не дожидаясь завершения политических переговоров, приступить к переговорам военным. Англо-французские правящие круги не могли не видеть серьезной озабоченности общественности в собственных странах развитием событий и были вынуждены принять советские предложения. Однако английская и французская военные миссии прибыли в Москву с большим запозданием и состояли из второстепенных лиц. Более того, выяснилось, что они вообще не имели полномочий для подписания соглашения с Советским Союзом. Между тем советскую сторону во время военных переговоров представляла делегация во главе с К. Е. Ворошиловым, имевшая полномочия для немедленного подписания военной конвенции.

Когда 12 августа 1939 г. в Москве открылись переговоры, Советский Союз выразил готовность выставить на фронт против агрессора 136 дивизий. Советская делегация предложила четкий план совместного ведения войны против агрессора. В ответ английская делегация сообщила, что Великобритания использует на континенте в начале войны шесть дивизий. Партнеры СССР за столом конференции отнюдь не помышляли о

серьезном отпоре агрессору. Глава французской военной миссии генерал Думенк под величайшим секретом сообщил совещанию «план» англо-французов на случай возникновения войны. По его словам, «если главные силы фашистских войск будут направлены на восточный фронт, то немцы будут вынуждены оставить не менее 40 дивизий против Франции, и в этом случае генерал Гамелен будет наступать всеми своими силами». Так говорилось для сведения советской стороны. Однако к этому времени английские и французские штабы уже составили план войны, который предусматривал совершенно другой образ действия, а именно: на начальном этапе войны «наша стратегия будет в общем оборонительной... наша последующая политика должна быть направлена на то, чтобы сдерживать Германию и, нанося решающие удары Италии, наращивать в то же время наши силы, чтобы быть в состоянии предпринять наступление против Германии». Эти планы, опубликованные много лет спустя после окончания войны, разъясняют и смысл англо-французских «гарантий» странам Восточной Европы. «Судьба Польши, — было записано в решениях англо-французских штабов, — будет определяться общими результатами войны, а последние в свою очередь будут зависеть от способности западных держав одержать победу над Германией в конечном счете, а не от того, смогут ли они ослабить давление Германии на Польшу в самом начале».

Несложный расчет англо-французских политиков заключался в том, чтобы втянуть Советский Союз в войну с Германией, а самим остаться в стороне, по крайней мере на первом этапе войны. Иными словами, они пытались по-прежнему проводить в жизнь высший принцип политики «баланса сил» — не только воевать чужими руками, но и ослабить как своих потенциальных противников, так и Советский Союз. Игра была шита белыми нитками, и Советское правительство разгадало ее. По логике англо-французских империалистов Советский Союз должен был выжидать, пока гитлеровские орды, пройдя восточно-европейские страны, не докатятся до его границ, а лишь потом вступить в войну. Советское правительство считало, что Советские Вооруженные Силы должны быть пропущены через территорию Польши и Румынии, чтобы дать отпор агрессии. СССР потребовал четкого и ясного ответа на этот вопрос. Подстрекаемые из Лондона и Парижа, правители боярской Румынии и панской Польши отказались дать согласие на пропуск советских войск. Тогда на последнем заседании англо-франко-советских военных миссий К. Е. Ворошилов заявил: «Если, однако, этот аксиоматический вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР».

Провал политики «невмешательства» и натравливания агрессора на Советский Союз

Советский Союз оказался в чрезвычайно сложном и опасном положении. В Европе Англия и Франция при поддержке США лихорадочно стремились вызвать войну между Германией и СССР, а на Дальнем Востоке уже шла необъявленная война между Советским Союзом и Японией. Еще 11 мая 1939 г. японские войска вторглись на территорию МНР в районе реки Халхин-Гол. В соответствии с протоколом о взаимной помощи, подписанным СССР и МНР в марте 1936 г., советские войска пришли на помощь своему союзнику. В боевые действия в районе Халхин-Гол с обеих сторон были втянуты значительные силы. А английское правительство, усмотревшее в этих событиях начало долгожданной войны между СССР и Японией, поспешило гарантировать тыл японских агрессоров 22 июля 1939 г. между Англией и Японией было подписано соглашение Арита

— Крейги, явившееся кульминационным пунктом политики «невмешательства» на Дальнем Востоке. Английское правительство признало японские захваты в Китае и обязалось не помогать Китаю в войне с Японией. В начале августа 1939 г. японское правительство, после многомесячных колебаний, сообщило Германии, что оно готово присоединиться к «стальному пакту» и немедленно вступить в войну с СССР совместно с Германией.

Однако в августе 1939 г. гитлеровцы, пока еще не опьяненные легкими победами, не потеряли совсем способности трезво оценивать обстановку. Они понимали как трудности войны против Советского Союза, так и то, что такую войну западные державы приветствовали бы отнюдь не в интересах «тысячелетнего райха». Схватиться с СССР — означало навсегда распрощаться с мечтами о мировом господстве.

Германское правительство предложило СССР заключить пакт о ненападении. СССР принял его, и 23 августа 1939 г. он был подписан сроком на десять лет. Советский Союз был последней крупной европейской державой, заключившей пакт о ненападении с Германией. Это был единственно правильный шаг в тогдашней обстановке. Отклонение германского предложения немедленно ввергло бы Советский Союз в войну с Германией, которая могла вылиться в «крестовый поход» всего капиталистического мира против страны социализма. Пакт дал Советскому Союзу возможность лучше подготовиться к отпору агрессору, а после начала мировой войны продвинуть границу СССР на сотни километров на Запад, взяв под защиту братские народы. В конечном итоге пакт создал предпосылку для образования антигитлеровской коалиции. Это был огромный выигрыш для дела мира и социализма.

Советско-германский пакт о ненападении внес серьезный раскол в лагерь агрессоров, который многие предшествующие годы сколачивался под знаком «антикоммунизма». Он явился одной из важнейших причин отказа Италии вступить в войну одновременно с Германией, а франкистская Испания, в марте 1939 г. с большой помпой присоединившаяся к «Антикоминтерновскому пакту», с началом второй мировой войны заявила о своем нейтралитете. Самые серьезные последствия пакт о ненападении имел для Японии. Так прогерманское правительство Хиранума, выразив резкий протест гитлеровцам, ушло в отставку. В результате сорвалось заключение тройственного пакта между Германией, Японией и Италией.

Англо-французские правящие круги и правительство США оказались у разбитого корыта — политика «баланса сил» обанкротилась, им предстояло пожать бурю, подготовленную собственными руками.

Последняя неделя августа 1939 г. была заполнена лихорадочной активностью англо-французской дипломатии, пытавшейся в самый канун войны достичь сговора с гитлеровской Германией. Британские политики расточали посулы и в то же время пытались угрожать, — 25 августа был, наконец, подписан договор о взаимопомощи между Англией и Польшей. Впоследствии стали известны причины решимости Чемберлена — в Лондоне получили информацию из Рима о том, что Италия не вступит одновременно с Германией в войну. Памятуя о роли Муссолини в организации Мюнхена, правительства Чемберлена и Даладье заискивают перед фашистским диктатором, пытаются заручиться его помощью для нового сговора, на этот раз за счет Польши.

Английское правительство обращается в Вашингтон, чтобы Америка также приложила руку для проведения новой конференции типа Мюнхенской. Однако правительство США ограничилось бессодержательным обращением к Германии и Польше 24 августа

воздержаться от решения спорных вопросов «силой», но категорически отказывается поддержать усилия британской дипломатии в отношении Германии. Европейские «герои» Мюнхена просмотрели существенное различие между англо-французской и американской внешней политикой. США всецело поддерживали мюнхенцев, когда те плели сеть антисоветских интриг. Однако в Вашингтоне отнюдь не разделяли стремления правительства Чемберлена добиться ценой предательства Польши англо-германского сговора и, следовательно, отсрочки войны в Европе. Не говоря уже о том, что правящие круги США весьма болезненно и крайне подозрительно относились к сговору между британским и германским империализмом, оттяжка вооруженной схватки прямо противоречила заинтересованности Соединенных Штатов в большой войне за океаном.

Америка испытывала острые экономические затруднения, число безработных в стране колебалось около 10 млн. человек. К 1939 г. — «новый курс» Ф. Рузвельта потерпел очевидное банкротство, ибо не смог вывести из трясины кризиса американскую экономику. Только военная конъюнктура сулила выход. Американские монополии горели желанием нагреть руки около пожара войны.

Если во время Мюнхена решительное выступление против Германии привело бы к сокрушению нацистского режима в короткий срок, то к концу лета 1939 г. обстановка решительным образом изменилась. В результате захвата Чехословакии, гонки вооружений в агрессивных странах соотношение сил в Европе изменилось. Достаточно указать, что заводы Шкода под немецким контролем с осени 1938 г. по осень 1939 г. произвели примерно столько же вооружения, сколько дала за этот год вся военная промышленность Англии. Конечно, с точки зрения американских монополистов наилучшим вариантом войны в Европе было бы нападение Германии на Советский Союз. Однако, поскольку смелые действия советской дипломатии и пакт о ненападении с Германией вывели Советский Союз из-под непосредственной угрозы войны, правительство США приветствовало и большую войну между своими империалистическими конкурентами. Последняя должна была затянуться, принести новое обогащение американским монополиям. Поэтому правительство Соединенных Штатов предупредило в августе 1939 г. Англию и Францию, что они не получают помощи если не объявят войны Германии после ее нападения на Польшу. Правящие круги США, чуждые интересам европейских народов, сознательно и настойчиво разжигали войну в Европе.

31 августа в 21 час германское радио заявило, что в Берлине безуспешно ждали польских представителей. Сразу же после этого все средства сообщения между Берлином и Варшавой были прерваны. В 4 часа 45 минут утра 1 сентября 1939 г. германские войска напали на Польшу. Началась вторая мировая война.